

Зимняя война 1939; 1939 — конец второй мировой войны). В 1890-х годах объем направленного ранее на все финно-угорские народы движения сузился до только прибалтийско-финских народов (если не считать сформировавшиеся относительно самостоятельно финско-венгерские отношения). Э. Сий отмечает, что причина заключалась в политике, проводимой царской Россией, а также в развитии языкознания, которое показало безнадежность единения финно-угорских народов. Третий период *heimoaate* проявился в обретении самостоятельности и в громадном скачке вперед финско-эстонско-венгерских связей. Э. Сий утверждает, что это не зависело ни от финнов, ни от эстонцев, ни от венгров. А именно — в соответствующей литературе того времени неоднократно подчеркивалось, что с проживающими в СССР финно-угорскими народами будут установлены контакты, как только появится такая возможность. На III финно-угорский конгресс культуры в Венгрию приглашались представители финно-угорских народов и из СССР, было намерение просить коми взять на себя инициативу проведения IV конгресса, но представители финно-угорских народов Советского Союза на III конгресс не приехали, а в 1930 г. в советской прессе началась кампания, направленная против финно-угорских народов. Роль связанной с *heimoaate* идеологии Великой Финляндии в мирное время была в Советском Союзе сильно раздута, в действительности же крайние лозунги выражали позицию весьма мало-

численных кругов и даже в их среде стали громче звучать лишь в годы войны.

Э. Сий подчеркивает, что два последних периода в истории *heimoaate* нельзя замалчивать или подвергать уничтожающей критике; их следует изучать, но уже теперь ясно, что с *heimoaate* связанная деятельность не была фашистской по своей сути, а ее антисоветская направленность имела в определенной мере защитный характер — и не без оснований на то. Однако движение в тот период не ограничивалось лишь политической пропагандой. На первом плане для движения была государственная политика в области культуры, целью которой служило ознакомление с национальными культурами и популяризация их, взаимообогащение культур и обмен опытом, сотрудничество, совместное развитие своеобразной национальной и традиционной культуры этой особой языковой семьи — насколько это возможно и необходимо. Для этого создавались организации, издавалась соответствующая литература.

Э. Сий в заключение отмечает, что в течение весьма продолжительного времени велась плодотворная работа и в нынешних контактах между Финляндией и Венгрией трудно обнаружить что-либо такое, примеров чего или по крайней мере идей не существовало бы уже во времена *heimoaate* и что очень существенную роль как в развитии движения *heimoaate*, так и в укреплении финляндско-венгерских контактов в наши дни играла и играет венгерская кафедра Хельсинкского университета.

ВЯЙНО КЛАУС (Таллинн)

<https://doi.org/10.3176/lu.1991.1.14>

Юри Вийкберг, Эстонские языковые островки в Сибири. (Возникновение, развитие, контакты). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллинн 1989.

11 декабря 1989 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском университете защитил кандидатскую диссертацию на тему «Эстонские языковые островки в Сибири (Возникновение, развитие, контакты)» Ю. Вийкберг. Официальными оппонентами

на защите выступили доктор филологических наук профессор А. Кюннап и кандидат филологических наук М. Мягер.

Ю. Вийкберг в своей работе ставит целью дать представление о языке эстонских поселений в Сибири и соотносить его с диалектами в Эстонии, а также с другими местными языками в Сибири,

охарактеризовать современное владение языком в этих поселениях, языковые взаимоотношения между поселениями, предложить методику для изучения других эстонских языковых островков, сопоставить результаты с языковой ситуацией в Эстонии. Следует сразу отметить, что поставленная цель в работе достигнута.

Необходимо подчеркнуть, что автор лично собрал большой языковой материал в Красноярском крае, в Томской и Омской областях, где он бывал несколько раз в течение ряда лет. Кроме того, он опрашивал репатрировавшихся из Сибири эстонцев. Привлечен также, очевидно, почти полностью материал других исследователей.

В первой главе прежде всего дается сжатый, насыщенный, но достаточный обзор истории рассматриваемых поселений Сибири. Автор сознательно ограничил себе в пространстве, однако нет сомнений, что им собраны более разнообразные данные, связанные с эстонскими переселенцами. И здесь появляются пожелания автору на будущее. Известно, что первые иммигранты в Америку были не прямо из Эстонии, а вместе с переселенцами из России. Если автор столкнулся с соответствующими сведениями, когда-нибудь в будущем интересно бы было познакомиться с ними. Такие сведения помогли бы навести мосты между исследовательской работой, проводимой на двух континентах, способствовали бы восстановлению многих прервавшихся нитей судеб переселенцев (в США и Канаде подобные исследования проводились, можно упомянуть в этой связи Тыну Парминга).

При рассмотрении диалектного фона эстонских поселений в Сибири Ю. Вийкберг исходит из традиционного деления эстонских диалектов и здесь его упрекнуть не в чем. Однако, может быть, стоило взвесить целесообразность всячески оправданного уточнения: разделить общезвестный под названием северо-восточный прибрежный диалект на северо-восточный и прибрежный (как это делает Тийт-Рейн Вийтсо, правда, прежде всего в историческом плане).

Лингвистическая характеристика языковых островков выявляет очень интересные и редкие факты. Рецензент считал,

что в отрезанных от родной земли языковых островках, куда не доходит в существенной мере нивелирующее диалекты влияние литературного языка, можно встретить много неожиданного. Исследование Ю. Вийкберга показало все же, что эти ожидания оказались преувеличенными. Новое, однако, встречается, хотя бы ряд не зарегистрированных в Эстонии лексем, как например, *ilgalasti*, *otsest*, *vahlakas* и т. п. (с. 28, 35). Они представляют собой вклад тамошних языковых островков в эстонскую диалектологию.

Особенно интересны данные о переплетении черт разных эстонских диалектов в рассматриваемых языковых островках, а также сопоставление автором своих данных с языковыми островками в других регионах. Привлекает внимание, например, смешаное употребление северо- и южноэстонских черт у одних и тех же информантов (напр., с. 55). Четкие схемы, составленные автором, помогают понять языковые влияния промежуточных этапов переселения (с. 58—59).

Говоря о русских заимствованиях в эстонских языковых островках, Ю. Вийкберг как определенное своеобразие отмечает, что в русских заимствованиях используются эстонские падежные окончания (с. 73). А какова иная возможность? Ведь не вторжение же русских падежных окончаний и предлогов в эстонскую речь? Вообще общеизвестно, что именно морфологическая структура языка и особенно словоизменение до последнего сопротивляется влиянию чужого языка, т. е. мыслима, например, фраза *Muusikud magavad kravatist*, но не **Meesid spavad v voodi*. Ю. Вийкберг делает здесь единственно возможный вывод, что заимствования адаптируются в языковых островках и морфологически.

Вообще следует подчеркнуть, что работа предлагает много любопытного с точки зрения общего языкознания материала, обстоятельно проанализированного и сгруппированного. Имеются в виду явления разных ступеней языковых контактов — до полной языковой ассимиляции, а также связи этих явлений с окружающей средой и поколениями в миграции.

Не совсем понятно, что думает автор, когда пишет, что в новейших рус-

ских заимствованиях в глухом окружении, в конце слога и слова *z* и *ž* отражены как *s* (*s*) и *š* (*š*), как и в русском языке (с. 37). Но ведь это — единственная возможность, например, *ложка* (*loška*) > *loška*. Или он считает, что в более старых заимствованиях было бы *loska*? *ljuboi* не происходит от формы *любая*, как показывает автор (с. 90), а в лучшем случае от *любой*. Создается впечатление, что Ю. Вийкберг полагает здесь исходную модель *любая работа* > *ljuboi. tüö*. Форма *ljuboi* указывает на иной процесс, а именно: носителем значения 'все равно какой, всякий' стало более общее (не только в этой паре слов) *ljuboi*. Почему именно эта форма, сказать трудно. Можно сослаться лишь на то, что и в ненецком языке в русских заимствованных прилагательных в общем употреблении встречается именно суффикс *-oi*, например, *советской, совхозной* (вместо *советский, совхозный*).

Не вполне убедительно, что только влиянием русского языка (в Сибири и в России) объяснимы случаи типа *siade pial* 'в свинарнике, со свиньями' (с. 91), ср. и в Эстонии *ta on sigade peal*. Не убеждает и то, что *eksamid russkist исходит из модели *экзамены по русскому языку* (*-st < no*) (там же). Чем объясняет автор такое предположение? Без более подробного обоснования трудно поверить также, что частое употребление демиинутивов *plikakene, plõnnikene, väiksekene* обязательно обусловлено влиянием русского языка (там же). На с. 92 выражение *jäin isast maha* (вместо *jäin ilma isata*) сочтено по управлению русским по образцу, но по какой из русских моделей?

Следует обратить внимание и на то, что для ввода в употребление конкретного заимствования *kalo-nka* не обязательно было прервать связи с эстонским литературным языком (с. 94) — оно, к сожалению, общеупотребительно и в Эстонии.

Интересны замечания и обсуждения автора в четвертой главе о двуязычии и сохранении эстонского языка, т. е. о диглоссии. Как здесь, так и в других разделах работы Ю. Вийкберг показал очень хорошее знание теоретической литературы, обоснованно выбрал методику исследования. Он хорошо ориентируется

в общественной ситуации, ее изменениях, а потому вполне убедительны его объяснения происходившего и происходящего, его прогнозы, которые могут быть использованы при изучении и других эстонских и иных языковых островков. Обзор толкований двуязычия в СССР, который содержится в пятой главе, многосторонен и содержателен, но как бы повисает в воздухе, поскольку автор не связывает его напрямую с эстонскими языковыми островками Сибири. (То же в определенной мере можно отметить и в отношении некоторых иных теоретических размышлений, которые остаются как бы обособленными, поскольку из языковых островков соответствующий материал (еще) не почерпнут).

В итоге можно сказать, что работа дает хорошее представление о языке эстонских языковых островков в Сибири. С точки зрения работы в целом хотелось бы увидеть больше конкретных языковых примеров, в то время как теоретический фон общего плана можно было дать более сжато. Однако следует учитывать, что такой конкретный языковой материал автор обширно привел уже в своих печатных работах, теперь же потребовала внимания проработка теоретической стороны. Тем более, что автор имеет дело с таким до конца не сформировавшимся разделом общего языкознания, как изучение языковых контактов, по поводу которых высказано множество различных взглядов и оживленная дискуссия продолжается; все активнее в нее включаются языковеды Советского Союза. Нет сомнений, что работа Ю. Вийкберга станет ценным дополнением в этой дискуссии.

Что касается конкретного языкового материала сибирских языковых островков, то он представляет собой существенный вклад в изучение эстонского языка и его диалектов. Ю. Вийкберг помог заполнить тот пробел, который имеется в исследовании употребляемого вне Эстонии эстонского языка. Его работы пополнят небольшой ряд трудов, посвященных языку зарубежных эстонцев. Совершенно ясно, что рассматриваемые языковые островки дадут еще много интересного языкознанию и автору стоит продолжить начатую работу. Работа Ю. Вийкберга — это завершенное науч-

ное исследование, самостоятельно выполненное автором. Структура ее ясна и логична, аргументация в преобладающей своей части убедительна. Исследование обогащает как эстонское языкознание, так и финно-угроведение в целом; кроме того, рассмотрением эстонско-финских и эстонско-ижорских языковых отношений

в Сибири представляет большой интерес в аспекте общего языкознания. Актуальность темы повышает современная ситуация национальной политики в Советском Союзе, а вес теоретических выводов — длительная отсталость в этом плане советского языкознания и далекая от науки политическая тенденциозность.

АГО КЮННАП (Тарту)

СОКРАЩЕНИЯ * ABBREVIATIONS

- ВЯ** — Вопросы языкознания, Москва
- ЗУдмНИИ** — Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка, Ижевск
- КЭСК** — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва 1970
- ОМД** — Очерки мордовских диалектов, Саранск
- ССКЗД** — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар 1961
- СФУ** — Советское финно-угроведение, Таллинн 1965—1989
- ТМарНИИ** — Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Йошкар-Ола
- ТМордНИИ** — Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, Саранск
- AASF** — Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Helsinki
- ACUT** — Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis, Tartu
- ALHung.** — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest
- CIFU I** — Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapest 1963
- CIFU II** — Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum I, Helsinki 1963
- CIFU III** — Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum I, Tallinn 1973
- CIFU IV** — Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum I—III, Budapest 1978—1981
- CIFU V** — Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum I—VIII, Turku 1980—1981
- DEWOS** — W. Steinitz, Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache I—12, Berlin 1966—1983
- EEW** — J. Mägiste, Estnisches etymologisches Wörterbuch I—XII, Helsinki 1982—1983.
- EK** — Eesti Keel, Tartu
- EKirj.** — Eesti Kirjandus, Tartu
- ESA** — Emakeele Seltsi Aastaraamat, Tallinn
- FTATO** — Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused, Tallinn
- ETATUS** — Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste Seeria, Tallinn
- FU** — Fenno-ugristica, Tartu (TRÜT)
- FUF** — Finnisch-Ugrische Forschungen, Helsinki
- FUFAnz.** — Anzeiger der Finnisch-Ugrischen Forschungen, Helsinki
- FUV** — B. Collinder, Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages, Hamburg 1977
- JSFOu** — Journal de la Société Finno-ougrienne, Helsinki
- KK** — Keel ja Kirjandus, Tallinn
- KKIU** — Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituudi Uurimused, Tallinn
- LSFU** — Lexica Societatis Fenno-Ugricae, Helsinki
- LU** — Linguistica Uralica, Tallinn
- MNy** — Magyar Nyelv, Budapest
- MNyj.** — Magyar Nyelvjárások, Budapest
- MSFOu** — Mémoires de la Société Finno-ougrienne, Helsinki
- MSzFE** — A magyar szókészlet finnugor elemei I—III, Budapest 1967—1978
- NyÉrt.** — Nyelvtudományi Ertekezések, Budapest
- NyK** — Nyelvtudományi Közlemények, Budapest
- Nyr.** — Magyar Nyelvőr, Budapest
- SF** — Studia Fennica, Helsinki
- SKES** — Suomen kielen etymologinen sanakirja I—VI, Helsinki 1955—1978
- SKST** — Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, Helsinki
- TESz** — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I—IV, Budapest 1967—1984
- TL** — Tietolipas, Helsinki
- TRÖT** — Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, Tartu
- UAJb.** — Ural-Altäische Jahrbücher, Wiesbaden
- UAS** — Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, Bloomington—The Hague
- UEW** — K. Rédei, Uralisches etymologisches Wörterbuch, Budapest 1986—1988
- UJb.** — Ungarische Jahrbücher, Berlin—Leipzig
- UUA** — Uppsala Universitets Årsskrift, Uppsala
- Vir.** — Virittäjä, Helsinki